

«Комсоргу третьей роты...»

Она открыла глаза. Медленно обвела землянку и быстро прижала к лицу ладони, словно пытаясь удержать что-то в себе. Темнота вытеснила окружающие предметы, и сразу нахлынули воспоминания.

Почему-то всегда она возвращалась мыслями в тот тёплый июньский вечер, последний, когда их 10-Г собрался вместе. Спорили. Жарко, беззаботно. И больше всех она — бессменный староста и заводила класса — Зоя Синицына. Пили лимонад в школьном буфете, кружились в прощальном вальсе и полные надежд и радостных предчувствий расходились по домам. Потом с Лидой Валяевой и Верой Филипповой ещё долго бродили по валу. Над Трубежом поднималась дымка. Брезжил рассвет. Рассвет первого дня их самостоятельной жизни.

А через три дня это обжигающее слово «война»...

Она протянула руку к гимнастёрке, там в комсомольском билете лежал отцовский наказ. Тогда, в апреле сорок второго, когда их, девушек-добровольцев, провожали в армию, он был в отъезде. Зоя ласково коснулась сложенного вчетверо листа. Всё, что там написано, знала наизусть: «Не могу проводить тебя, может быть, в последний раз. Возьми с собой бумаги, конвертов, карандашей... Кружку, ложку, мою солонку... Береги себя. Бей, дочка, фашиста».

Рядом с землянкой раздалися шаги, и тут же услышала взволнованный голос командира роты Пасецкого:

— Снова на Москву полетели.

Решительно стряхнув груз воспоминаний, она быстро оделась, растолкала девчат. И весело: — Подъём!

Жаль было тормозить их. День вчера выдался особенно трудный. Промозглый ветер завывал, путаясь в вершинах сосен, мешал вести наблюдение, добирался до костей. Самолёты накатывались группами, по три, по шесть в каждой. Отходя, немцы остервенело бросались на столицу. Летели на Горький, Ярославль. И им, бойцам третьей роты 105 отдельного батальона воздушного наблюдения, оповещения и связи, предстояло предупредить удар врага. По одному только шуму моторов определить направление полёта, высоту, скорость, тип машины. Срочно сообщить на командный пункт, чтобы успели вступить наши зенитки и авиация.

Казалось, что совсем недавно принимали присягу. Она никогда не забудет этот пасмурный майский день. Так живо то волнение, с которым в ленинской комнате произносила слова клятвы: «Я, гражданин Советского Союза...»

— Девчата, сегодня опять на Москву летели. Сейчас командир роты говорил. А может, и в Переславль...

Пройдёт и этот день, и ещё много дней и ночей, прежде чем комсорг роты Зоя Синицына и её подруги сёстры Рубищевы, Маша Выюгина, Соня Чичерина, Нина Галеева, Нина Опыхтина, Маша Ефремова и другие сменят солёные солдатские гимнастёрки на белые платья невест.

Но они и тогда оставались самими собой, весёлыми, молодыми. Организовали самодеятельность, достали музыкальные инструменты. В большой дружбе были с артистами Ивановского театра оперетты. Выступали с концертами в госпиталях. И просто так для души пели. Соберутся вместе, вспомнят родных, помечтают и затают: «Есть у нас одна сестричка...» Запевалами обычно Тоня Юрина, Клава Иванова, Зина Лебедева.

Они разные были, девчата, но объединял их единый порыв души: одолеть, разбить врага. А ещё билось в их груди не знающее покоя комсомольское сердце. На ней, комсорге роты Зое Синицыной, лежала ответственность поддержать дух девчат. Вот и смеялась заразительнее

всех, даже если горько было, горячо выступала на собраниях. Не случайно, что на фронтовой фотографии, подаренной Сергеем Ивановичем Пасецким, надпись: «Комсоргу третьей роты. Самому весёлому человеку, девушке-бойцу». Он и рекомендацию в партию дал.

Потом Зою перевели в Ярославль в штаб батальона. Стала телефонисткой.

Навсегда осталось в её памяти утро девятого мая сорок пятого года. Ещё не было и четырёх часов, а у неё вовсю идёт генеральная уборка. И как-то весело, легко на душе. Может, от того, что жили ожиданием этого часа, да на днях девчата из Москвы передали: готовится что-то грандиозное. Она домывала полы, как вдруг вбегает подполковник Лифшиц.

— Победа, Зоя! Победа!

Сразу набежали все, обнялись, перецеловались. Всю воду расплескали. Так в луже и кружились. Потом на улицу. Стучали в окна, двери. И снова объятья, слёзы. Как-то невольно все потянулись к площади Волкова, где около восьми часов и начался незапланированный митинг.

Вскоре приказ о демобилизации вышел. Отнеслись к девчатам очень тепло: приехали представители вузов, с заводов. Предлагали учиться, интересную работу. Но в голове одна мысль, одно единственное желание: быстрее в Переславль, к родным, с ними разделить радость. Покидала в вещмешок немудрёные пожитки свои. На самый верх солдатский подарок положила — четыре метра байки в клеточку да два килограмма сахара. С тем и приехала.

— Подхожу к дому, а у самой ноги, как ватные, подгибаются. Рванула на себя дверь: мама у печки возится, не замечает. Лариса, младшая сестрёнка, первой увидела. «Мама, мама!» — Сама вымолвить больше ничего не может.

Работала в контрольно-учётном бюро вплоть до тех пор, когда отпала в нём надобность и вышла реформа об отмене карточной системы. Здесь и с мужем будущим познакомилась, фронтовиком, стала уже Либеровой, а не Сеницыной.

Потом перевелась в сберкасса. Начинала с кассира и до заведующей сберегательной кассы первого разряда. «Зарекомендовала себя, как способная, исключительно честная работница». Это из характеристики тех лет. Была бухгалтером в ГПТУ-22, потом цеховым на химзаводе. Сейчас там же на диспетчерской службе, хотя уже давно вышла на пенсию. Но по-прежнему молодо звучит у диспетчерского пульта её голос:

— Оператор цеха подготовки сырья? Пришёл вагон с оборудованием. Как разгрузите, сообщите.

— Срочно передайте данные по ассортименту.

— Алло, Зоя Петровна, — доносится из трубки. — Спасибо за грибы.

Она всегда была связующим звеном между людьми: и тогда, когда начинала военную службу в качестве телефонистки и комсорга, и после, работая партийным секретарём в сберкассе.

— От неё исходит какое-то удивительное душевное тепло, — говорит начальник производственного отдела Т. А. Фёдорова. — Зоя Петровна — человек настолько сердечный, что умеет заразить своей добротой и других.

И детей они хороших с Геннадием Павловичем вырастили. Надя работает ответственным секретарём общества «Знание» Октябрьского района Москвы. Заканчивает вечернее отделение машиностроительного института. Верочка, так любовно называют в семье младшую дочь, с отличием окончила школу. Сейчас на третьем курсе Московского пединститута. Химиком будет. А самое главное — их отличает сердечность, которая всегда была присуща их маме, комсоргу третьей роты Зое Сеницыной.